

ГЛАВА V

ВНОВЬ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ («Оттепель»)

ИСТОРИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Падение крайнего авторитаризма, нравственный упадок означали нечто большее, чем смена одного этапа другим в рамках глобального модифицированного инверсионного цикла. Одновременно *окончился первый полупериод второго глобального периода в истории страны*. Инверсия, идущая от господства соборного идеала, испытывая на своем пути определенные колебания, дошла наконец до своей крайней точки. Но тем самым *выявились утопизм идеала*, который был реализован этим процессом, *нефункциональность соответствующей социальной системы*, невозможность на ее основе решать медиационную задачу, соединить государственность, обеспечивающую интеграцию расколотого общества, с ценностями массового сознания. *Это вызвало рост массового дискомфортного состояния*, немыслимость для рядового человека сочетать свое повседневное существование с требованиями вездесущего авторитарного государства. Постепенно стала выявляться обратная инверсия, началось движение от крайнего авторитаризма к противоположной точке, т. е. вновь к господству соборного идеала; *начался второй полупериод второго глобального периода в истории страны*. Определяющей движущей силой первого полупериода было стремление массовых почвенных сил утвердить уравнительность в масштабе большого общества, формируя для этого синкретическую государственность в ее различных формах, вплоть до самых крайних. Она должна была «всех равнять», что и требовало всеобщей и массовой партиципации к тотему-отцу-вождю. Эта цель была достигнута, но одновременно выявилась ее недостижимость. Большое общество в тех государственных формах, через которые оно прошло в первом полупериоде, не смогло достигнуть целей, заложенных в массовой культуре, т. с. устойчивого со-

четания уравнительности и простого утилитаризма, большого общества и массового господства ценностей локального типа. Идея народной Правды, воплощенной в тотеме — первом лице большого общества, обанкротилась, что дало импульс выходу на первый план тотема — локального мира, т. е. стремлению к локализму на основе отказа от начальства, включая первое лицо, как силы зла.

Противоположность авторитарного соборному идеалу означала, что в первом случае тотем прежде всего интерпретировался как первое лицо, тогда как во втором случае тотем интерпретировался прежде всего как соответствующее локальное сообщество. Этот переход формировал новую нравственную ситуацию, новые условия для решения медиационной задачи, новую форму соединения государственности и массового сознания, следовательно, требовал изменения официальной идеологии. Этот процесс с первого момента приобрел сложный и противоречивый характер. Он, как и всякая массовая социальная инверсия, на разных уровнях общества проходил с разной скоростью, интенсивностью, отесняя господствующий идеал.

«РОССИЯ ПРОПАЛА...»

Отход от авторитаризма на уровне массового личностного самосознания оказался крайне болезненным. На повседневном уровне он шел постоянно и выражался в стремлении воспроизводить утилитарно необходимые горизонтальные связи, в формировании соответствующих локальных сообществ. Массовая реакция на смерть Сталина является важным культурным феноменом. Для миллионов эта потеря была космической катастрофой, гибелью Правды. Вечность, едва начавшаяся, закончилась.

Многочисленные свидетельства раскрывают потрясающую картину страха и отчаяния, которые охватили всю страну. Зарубежный коммунист И. Бергер, сосланный в Сибирь, писал: «Когда в колхоз, где я работал, пришла весть о смерти Сталина, там началось такое, что я глазам своим не поверил и представить себе не мог. По всей стране происходило одно и то же: люди вели себя так, словно умер их родной отец, глава семьи и рода, защитник, укрывавший их от всех бедствий и невзгод. Старики, дети горевали так, что не могло быть и речи о каком-то притворстве. Горе их было искренним, неподдельным:

— Что с нами теперь будет? Придут немцы, чужеземцы, Россия пропала... Загубят Россию...

Предвещали междоусобную войну, хаос, голод... Особенно поражало горе детей... Плакали и взрослые, партийцы и беспартийные, плач стоял коллективный, всеобщий, неумолчный»¹.

Известный диссидент В. Буковский рассказывал: «Учителя плакали навзрыд с распухшими глазами». О девушках-учительницах пишет также Солженицын. Они рыдали: «Как же мы теперь будем?»². Г. Подъяпольский вспоминал, что в момент объявления о новом правительстве его подруга сказала: «Что же теперь с нами будет со всеми?» Плакали мои соседи по коммунальной квартире, работницы Трехгорной мануфактуры. Е. Евтушенко писал об этом времени: «Вся Россия плакала, и я тоже. Это были искренние слезы горя и, может быть, слезы страха за будущее». Даже те, кто относился к существующему режиму скептически и не сожалел об ушедшем властителе, в страхе застыли в ожидании худшего. Никто не знал, не означала ли смерть вождя, что теперь его место займет оборотень, который превратит «дело врачей» в начало еще невиданного погрома. Все стояли перед пустотой неизвестности. Абсурдность реальности закончившегося этапа превратила и саму смерть диктатора в абсурд. Обезумевшие толпы людей, чей сакральный мир погиб, бросились, сметая охрану и заграждения, к останкам жалкого старика. До сих пор никто не знает, сколько из них было раздавлено, растоптано. Этими толпами двигала последняя надежда прикоснуться к вечности. И таким образом они еще раз подтвердили, что причины большого террора, массового самоизбиения лежали в массовом поведении, в стремлении зачеркнуть свое Я и отдаться Правде языческого Молоха.

С древнейших времен в обществе господствовало представление, что жизнь вождя синкретическим образом слита с судьбой страны, с ее благосостоянием и благополучием. В случае его заболевания или старения заболит и перестанет размножаться скот, урожай сгниет на полях, эпидемия унесет людские жизни. От жизни вождя зависит ход природных явлений³. Вместе с тем абсолютность социальной роли вождя и ограниченность его человеческой природы неизбежно требовали разделения и даже противопоставления социальных функций и личности вождя. Например, в Византии личность императора отделялась от института власти. Личность государя должна быть «схематизирована» безличной «схемой». Государю должно быть внушено, что по своей личности он всего лишь греш-

¹ Бергер И. Крушение поколения. 1973.

² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 3. М., 1990.

³ Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 196-197.

ный человек, но по своему сану репрезентирует трансцендентное величие бога (С. Аверинцев). Следовательно, смерть монарха не затрагивала институт, принцип власти императора. Когда в Европе умирал государь, провозглашалось: «Король умер. Да здравствует король!» Это означало, что эмоциональное отношение к личности умершего отделялось от понимания ценности института королевской власти как такового. Короли могли меняться, как и отношение к ним народа, но принцип, институт королевской власти не зависел от этих перемен. Однако в истории были примеры и несколько иного рода, были попытки превратить царя, например, Александра Македонского, в земного бога, что ослабляло подчинение вождя исторически сложившемуся ритуалу власти. Смерть такого человека могла связываться в сознании людей с возможными переменами в государственной жизни, в существующих институтах.

Крах царской власти в 1917 году был в глазах народа не гибелью особой формы государственности, которую народ хотел заменить другой, например, монархию республикой, а крахом государственности вообще, результатом стремления вечевых сил разметать всякое начальство и всякую власть, сбросить старый тотем. Советская власть могла восстановить государственность лишь стихийно, неосознанно, нащупав какое-то приемлемое сочетание тотемизма древних мифов с утилитаризмом и элементами либерализма, провозглашая лозунги, отрицающие государство. Новый строй мог укрепить государственность, лишь опираясь на синкретическое отождествление личности отца — носителя высшей Правды с властью. Сталин был отцом, которого никто заменить не мог. Он не был символом нового общества. Он был в глазах людей самим этим обществом, как некогда бог Посейдон был не символом моря, а самим морем. Государство опиралось на веру людей в справедливость установившегося порядка, т. е. в уравнительность, и в то, что этот порядок защищает их от кривды. Смерть праведников Ленина и Сталина подорвала основу этой веры, так как гарантия заключалась не в том или ином институте, за который люди несли ответственность, а в личности праведников, о смерти которых было невозможно даже подумывать.

Санкцию на новый порядок могла дать харизматическая личность, которая опиралась на древнюю веру в то, что мир стоит на праведных людях. Именно от их праведности зависит сохранение космического порядка. Сталин хорошо вписался в эту веру и одновременно в веру в патриархального вождя-отца, несущего на своих плечах всю тяжесть ответственности за общество, за каждого, за весь мир, за вселенную. Его ответ-

ственность в глазах народа вытекала не из государственного порядка. Она не опиралась на сакральный царский титул. Сталин был естественно найденным тотемом. Немногие задумывались, какую реальную должность он занимал. Достигнув высшей и абсолютной власти, он не занимал никакой государственной должности. Наоборот, занятие им каких-то должностей означало сакрализацию соответствующей бюрократической системы. То обстоятельство, что сословное общество именно при Сталине было легализовано, получило развитие, рассматривалось как некоторая временная аномалия и, во всяком случае, не ставилось в вину Сталину.

Первое лицо как высшее начало давало определенную нравственную санкцию власти, существованию многочисленного начальства, вышедшего из народа. Историческая ненависть к начальству, однако, никогда не исчезала, но она не распространялась на первое лицо, в частности, потому, что время от времени первое лицо и народ объединялись для избивания начальства. Это служило основой нравственного единства, но одновременно усиливало нравственную дифференциацию. Сталин был высшей абсолютной космической ценностью и, следовательно, бессмертным по определению. Тем не менее наступил миг, когда он исчез. В этом парадоксе можно видеть модель любого нарушения социокультурного закона. То, что кажется естественным, самоочевидным, не подлежащим обсуждению, может оказаться чистейшей утопией, ставящей общество перед пропастью, так как объективно далеко не все мыслимые отношения реально возможны, могут противостоять энтропии, обеспечивать воспроизводство общества.

Смерть Сталина означала крах сложившегося порядка, так как он был реальным ядром, космическим организационным центром, гарантом справедливости. Потрясение было тем более страшным, что оно означало *не только смерть самой Правды, но и смерть главы патриархальной семьи*, за которой следовала опасность краха на бытовом уровне, так как она могла стать поводом для распада, для выделения сыновей в отдельные хозяйства. Это могло быть началом упадка этих хозяйств.

Смерть Сталина вызвала ужас, так как она казалась сигналом злым силам восстановить сословное общество, неравенство, эксплуатацию и т. д. Казалось, алчное начальство разрушит двухэлементную простую модель общества, так как фактор, который гарантировал ее существование, исчез.

Власть царей, как и власть Сталина, опиралась на свою способность поддерживать в народе иллюзию уравнительного несословного общества, иллюзию того, что первое лицо как

воплощение Правды если и не спасает от фактических козней начальства, то во всяком случае их сдерживает, держит кривду под контролем.

Все это поставило людей, на которых свалилась вся тяжесть власти, в крайне трудную ситуацию. *Необходимо было дать новую господствующую интерпретацию массового нравственного идеала, дать новое решение медиационной задачи.*

Высшее руководство после смерти Сталина не помышляло о сохранении системы крайнего авторитаризма. Л. Берия, игравший в новом руководстве важнейшую роль, «решил возглавить движение за реформы». Он считал, что «надо воспользоваться редким в истории случаем, когда сам палач может возглавить движение народа против наследства величайшей из тираний»⁴. Невозможность сохранения крайнего авторитаризма была очевидна. Берия хотел осуществить «спуск на тормозах», пытался усилить влияние местных национальных сил в партаппарате республик. В частности, были ликвидированы посты вторых секретарей ЦК республик — непосредственных ставленников Москвы. Тенденция к ослаблению крайнего авторитаризма развивалась на всех этажах. Все это стимулировало появление нового способа решения медиационной задачи на основе легализации тех связей, которые уже сложились вопреки авторитаризму в результате ухода жизни из системы. *Возникла новая, пятая версия псевдосинкретизма.* Она прежде всего была направлена на ликвидацию опасного крена к укреплению организации медиатора при ослаблении внимания к спонтанным процессам в жизни народа. Было необходимо повернуться лицом к массовой системе ценностей. Это было нужно в связи с ростом раскованности людей, с необходимостью удовлетворить растущие утилитарные потребности населения и одновременно перестроить работу самих сообществ на основе этой раскованности, вдохнуть в них новые силы. Следовало оживить застывшую, казалось, лишённую жизненных сил страну.

СОСЛОВНОСТЬ

К власти пришло третье поколение правящей элиты. Эти люди чудом уцелели от террора и сами были его организаторами. Они, как и второе поколение, вышли из почвы, были исключительно трудоспособны и преклонялись перед организацией. Их утилитарная ориентация, как, впрочем, и всего населения, продолжала возрастать. Пройдя школу государственно-

⁴ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1986. С. 252-253, 251.

сти, эти люди осознали ценность государственной дисциплины, соглашаясь на определенное жертвование местными интересами во имя сохранения целого.

Нельзя не учитывать медленного, но реального повышения образовательного уровня бюрократии. Правда, образование, которое она получила, было крайне ограничено и односторонне, в основном оставаясь техническим. Знания об обществе подменялись, как правило, изучением очередной господствующей версии идеологии. Тем не менее сам факт приобщения к систематической логике науки, абстрактный уровень мышления подрывали слепую веру в мифы, столь характерную для миропонимания второго поколения правящей элиты.

Новая правящая элита состояла, главным образом, из руководителей наиболее влиятельных ведомств, миров среднего уровня, входящих в медиатор. Это были секретари обкомов, руководители республик, министерств, армии, органов безопасности, лица, отвечающие за отношения с зарубежными странами, и т. п. Два органа, действительно способные выносить важнейшие решения, Политбюро (Президиум ЦК) и ЦК, стали реальными формами организации управления правящей элиты. Они — собрания глав основных ведомств, контролирующих жизненно важные процессы в стране. Отставка главы ведомства неизбежно связана с его выходом из ЦК и Политбюро. На протяжении всей истории страны высшие органы власти воспроизводили эту вечевую форму управления через собрание большаков, т. е. глав локальных миров. Например, в XVII веке, как и в удельные времена, Боярская дума «состояла преимущественно из управителей центральных ведомств»⁵. По древнегреческим стандартам власть перешла от тирании к олигархии. При этом выявилось важное обстоятельство. Общество, возникшее в 1917 году, смело сословный строй и было практически антисословным, что органически было связано не только с волной крайних форм уравнительности, но и с антигосударственностью, с мощной антимидационной волной. Сословная система представляет собой результат определенного разделения труда, необходимого для функционирования государства. Попытка создать негосударственное общество на первом этапе была органически связана со стремлением предотвратить возникновение привилегий. Однако постепенно раскол, бесконечные конфликты, хаос неизбежно заставили формировать государство, стимулировать сословность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сословность в обществе, далеком, как небо от земли, от гражданского, от правового

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 256.

государства, была очевидно необходима как сторона формирования государственности на догосударственной культурной основе. На ее пути стала, однако, не только массовая антисловная первобытная догосударственная уравнительность, но и постоянная склонность людей, идущих на службу государственности, к локализму, автаркии, к превращению любого учреждения, региона в замкнутое образование, склонное культивировать монополию на дефицит. Это вызвало жесточайший, находивший массовую поддержку снизу террор против растущих вместе с новым государством сословий. *Сословность, вышедшая на поверхность после краха крайнего авторитаризма, оказалась слабой, неорганизованной, лишенной традиций, своих специфических сословных ценностей.* Страх перед расколом и силами уравнительности мешал консолидации сословий, осознанию ими своих реальных государственных функций, способствовал росту локализма, ведомственности и местничеству, ведущим к конфликтам и хаосу. Тем не менее сословие, управляющее страной, вышло вперед, пытаясь опереться на всеобщее согласие, на своего лидера, способного одновременно установить согласие с народом. Собрание глав семейств, старцев градских, глав вотчин — вновь открылось за упавшей стеной крайнего авторитаризма.

Мясорубка, через которую прошло общество и которая, как казалось многим — и врагам, и сторонникам, — в корне его изменила, в действительности была лишь инструментом перевода и удержания общества в рамках дуальной оппозиции «соборность — авторитаризм». Крайний авторитаризм, который был вне критики и только что казался единственно возможной формой жизни, с молниеносной быстротой повернул к своей противоположности. Сама эта молниеносность свидетельствовала, что новый порядок был амбивалентен авторитаризму, был его оборотной стороной. *Новый идеал возник как результат вялой инверсии, вялого отхода от авторитаризма.*

С точки зрения специфики государственности новая система представляла собой результат стремления сместить ответственность вниз в рамках исторически сложившейся государственности, *сместить ответственность с первого лица к мирам среднего уровня*, т. е. к ведомствам, регионам, в тенденции к локальным мирам. Это движение не достигло полного торжества соборного идеала, локализма, хотя и шло именно в этом направлении. Локалистское движение прежде всего усилило значимость относительно самостоятельных частей общества. Новая система в соответствии с древней традицией сместилась к собранию большаков, к реальным главам частей общества. *Власть собрания частей, т. е. веча, приоб-*

ретала форму коллективного руководства. Этот порядок был компромиссным между авторитарной властью первого лица и властью локальных миров, в тенденции превращавшей в излишнюю власть государства вообще. Этот компромисс опирался на идеал всеобщего согласия верха и низа, всех уровней общества и государственной власти, на представления о народной Правде, несущей в каждой точке всеобщее согласие людей.

ПОБЕДА НОВОЙ ВЕРСИИ ИДЕОЛОГИИ

Модель псевдосинкретизма отошла от абсолютизации ипо-стаси авторитаризма, доведенной до тоталитаризма, где основой был жесткий, утрированный традиционализм. *Новая пятая господствующая версия была ориентирована на соединение трех этажей псевдосинкретизма на утилитарной основе. Утилитаризм здесь играл роль не только идеологического инструмента, соединяющего различия в единое целое, но и социального принципа, нацеливающего людей на обеспечение единства общества путем интенсификации всеобщей деятельности, преследующей утилитарные цели.*

Атмосфера всеобщего согласия опиралась на убеждение в естественности единства интересов медиатора и широких масс. Это единство мыслилось прежде всего во всеобщей напряженной работе народа и власти, опиралось на общее стремление к удовлетворению потребностей в питании, жилье, ширпотребе. Недавнее прошлое рассматривалось как серия ошибок, отпадение от правильного по сути учения. Нужно вновь совершить партиципацию к высшей Правде. Новое первое лицо Н. С. Хрущев (1955-1964) со всей определенностью торжественно провозгласил: «Не только наши потомки, а мы с вами... наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁶ «Движение к коммунизму» должно было осуществляться на основе коллективизма, т. е. системы соборных миров, включенных, однако, в систему синкретической государственности, управляемой на основе коллективных норм жизни.

Тем самым реальная власть переместилась от первого лица к сложной системе бюрократии, освободившейся от тяжелого бремени сверхцентрализации, оградившей себя от разрушительных террористических атак тоталитарной власти. Испытывая мощное давление снизу, новая власть освободила миллионы заключенных и прекратила массовый террор, что, кроме всего прочего, означало качественное из-

⁶ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 231; см. также с. 428.

меченые отношения к личности, признание ее жизни ценностью, признание ее права на пищу, жилье, подачу жалоб и т. д. Высшая ценность переместилась вниз. Началась новая жизнь.

Новая власть, следуя инверсионной волне, стремилась перестроить медиатор снизу доверху таким образом, чтобы, с одной стороны, он мог ассимилировать творческую активность народа, а с другой — обеспечить единство общества на основе интеграционной функции высшей власти. Делалась попытка привлечь на сторону власти ушедшие в подполье скрытые творческие силы разных слоев населения. Все общество перестраивалось. Каждое звено управлялось на основе идей всеобщего согласия, на основе коллективного руководства. Раньше любое учреждение находилось под властью его руководителя, контролируемого явно партийными органами и негласно — органами безопасности. Теперь власть получило вече, т. е. несколько лиц, обычно члены «треугольника» — руководитель учреждения, секретарь партбюро, председатель месткома; им приходилось считаться с мнением рядовых работников, если они высказывались достаточно настойчиво. Изменился характер совещаний: однозначные требования сверху стали корректироваться точкой зрения исполнителей. Шел процесс своеобразного раскрепощения бюрократии, или, по остроумному замечанию писателя Юрия Айхенвальда, «демократизации бюрократической верхушки» (1956). Неуклонно возрастала сфера компетенции низших этажей.

Про вече-треугольник, как и про все иные соборные институты, трудно было сказать, то ли это представительство низов, защищающих свою систему ценностей перед верхами, то ли это назначаемые сверху помощники, агенты верхов, необходимые для проведения авторитарной политики. Здесь амбивалентность вечевого идеала создает основу для всеобщего спонтанного согласия, для попытки найти некоторый промежуточный идеал, пытаясь удержать обе крайности вместе.

Н. Хрущев вышел из самых низов народа. Он любил хватать, что в детстве пас гусей. Эта колоритная фигура представляла собой контраст инверсионного типа по отношению к Сталину. Хрущев был идеальным воплощением новой инверсии, направленной на утверждение специфических ценностей ведомств, организаций, стремящихся жить в мире как с высшей властью, так и с народом. Он пытался сочетать интересы бюрократии с ценностями массового сознания, соединить бюрократию со стремлением к уравнительности, совместить

вражду к начальству и сословные привилегии, слить в единое целое разнородные силы.

В основе его действий лежал утилитаризм, выступавший в форме здравого смысла прижимистого мужичка, который блюдет свой интерес и которому в рот палец не кладут. Хрущев взлетел вверх, так как новая ситуация требовала лидера, который имел бы какую-то мало-мальски пригодную интерпретацию новой массовой инверсии.

Новая власть начала сводить счеты с системой крайнего авторитаризма. В 1956 году на знаменитом XX съезде КПСС Н. Хрущев в докладе, который был опубликован в СССР лишь в 1989 году, потряс страну, подняв руку на мертвого диктатора⁷. Самым главным в этой речи были не разоблачения, которые приоткрыли лишь мизерную часть злодеяний, но факт легального покушения на Сталина, *самокритика системы*, попытка покончить с крайним авторитаризмом. Критика не отличалась глубиной, но в эмоциональном смысле была крайне острой и действенной.

Приход к власти нового поколения правящей элиты, противопоставившего себя сталинизму, тоталитарной форме синкретической государственности, породил «оттепель», определенную возможность независимой критики. Возникшая атмосфера надежды и возрождения напоминала атмосферу позднего идеала всеобщего согласия прошлого инверсионного цикла, царствования Екатерины II, александровской весны.

УСКОРЕНИЕ

Романтическая эйфория, присущая новой правящей элите, опиралась на уверенность, что реальное воплощение принципов Правды на основе всеобщего согласия позволит быстро удовлетворить утилитарные потребности народа. Отсюда — требование ускорить экономическое развитие общества. *Идея ускорения постоянно присутствовала на всех этапах псевдосинкретизма, хотя и в разных формах и степенях*. Она диктуется либеральной ипостасью псевдосинкретизма, хотя и в односторонней, искаженной форме. Идея ускорения постоянно стимулировалась растущим утилитаризмом, настоятельно требующим удовлетворения потребностей в благах. Доминирование утилитаризма посредством выдвигания на первый план материальной заинтересованности означало крутой поворот в псевдосинкретизме, что в конечном итоге было лишь одним из

⁷ Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад XX съезду КПСС// Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128-170.

проявлений возрастающего массового утилитаризма. Традиционализм, по сути, противостоит утилитаризму. Тем не менее в определенных рамках они совместимы, и утилитаризм прорастает как бы изнутри традиционализма. Традиционализм в определенных пределах может быть вовлечен в процесс ускорения, когда последнее выступает как навязанное внешнее условие жизни, к которому можно и необходимо адаптироваться и которое можно рассматривать как средство воспроизводства традиционализма.

На этой нравственной смеси культивировались представления о необходимости за немногие годы пробежать тот путь, который США прошли за десятилетия. Потребность в этом определялась тем, что, например, сельское хозяйство давало продукции меньше, чем в прошлом глобальном периоде. Люди, которые сомневались в возможности догнать американцев раньше 1975 года, подвергались осмеянию. Н. Хрущев говорил: «Вы же видите, что многие колхозы буквально за два-три года увеличивают производство продуктов в несколько раз... Сила колхозного строя, патриотизм советского строя, советских людей, социалистическое соревнование позволят нам решить эту задачу в ближайшие годы». Писатель А. Стреляный, описывая одно из собраний, где обсуждалась эта проблема, замечает: «В этом смеющемся зале он (Хрущев) был самым трезвым человеком, не будем этого забывать, чтобы лучше понять, на какой почве он вырос»⁸. Если такой утопист, как Хрущев, был «самый трезвый», то каковы же были все остальные? Утопизм, вера в спасительность партиципации к Правде-истине, хотя и каждый раз различно трактуемой, сопровождали все этапы. В 1953 году выдвинута была задача за два-три года достичь уровня потребления продуктов питания, соответствующего научно обоснованным нормам. XX съезд партии сконцентрировал внимание на необходимости добиться «значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня народа». Это вполне отвечало реальным стремлениям людей, которые, как говорилось в одном популярном анекдоте времен Сталина, были сходны с индейцами тем, что «были голые и с вождем». В ближайшие годы страна должна была догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения. *Налицо было серьезный сдвиг: если раньше власть обращалась к народу главным образом на языке добра и зла, то теперь разговор шел в значительной степени на языке утилитаризма.* Однако этот утилитаризм произрастал на основе древней инверсионной логики, где результата предполагалось

⁸ Стреляный А. Год личной жизни. М., 1989. С. 118-119.

достигнуть не длительным трудом, а посредством чуда молниеносного перехода, где сам освобожденный от авторитаризма труд выступал как некоторое чудо. Тем не менее новый идеал знаменовал для людей начало новой жизни. Московский рабочий высказал следующую мысль: «Мы думали, что со смертью Сталина жизнь кончилась. Оказывается, она теперь только начинается».

Это стремление удовлетворить утилитарные потребности людей сливалось со стремлением сместить ответственность вниз. В марте 1956 года было принято прямо-таки революционное постановление об изменении практики планирования сельского хозяйства. В нем говорилось: «Для того, чтобы обеспечить государство всеми видами сельскохозяйственной продукции, совсем не требуется из центра доводить до колхозов и совхозов планы посева по всем культурам, планировать все виды скота и количество поголовья, не предоставляя возможность колхозам и совхозам проявить инициативу в более правильном и рациональном ведении хозяйства». Наносился мощный удар по самому принципу авторитарного управления. Сельскохозяйственные предприятия должны были учитывать необходимость обеспечить натуральные госпоставки продуктов полеводства и животноводства. В остальном они «по своему усмотрению определяют размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и скота по видам». Теперь планирование в сельском хозяйстве должно было начинаться непосредственно в колхозах совместно с МТС и в совхозах.

Практика «планирования снизу» вводилась не только в сельском хозяйстве. В промышленности должны были составляться предварительные планы на местах. Этими планами должны были руководствоваться планирующие организации при составлении общих планов. Идея таких новшеств заключалась в ограничении административного вмешательства в экономическую деятельность. В марте 1956 года было принято постановление, посвященное уставам колхозов. Оно было направлено против авторитаризма, против «нарушения колхозной демократии со стороны местных партийных, советских и сельскохозяйственных органов, когда колхозам навязываются общие, не отвечающие конкретным условиям производства и уровню развития хозяйства, организационные формы и хозяйственные нормативы». Колхозам разрешалось «самим дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью устава с учетом местных конкретных условий колхоза». Иными словами, допускались новшества да-

же в сфере организационного творчества, повышающего разнообразие колхозов, хотя и в узких рамках.

Расширились права местных советов. В 1956 году было принято постановление о повышении зарплаты низкооплачиваемым рабочим и служащим, принят закон о пенсиях, в 1957 году расширена программа жилищного строительства. В 1957 году были отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с личных хозяйств рабочих и служащих, принято постановление Пленума ЦК «О работе профессиональных союзов СССР», которое объявляло производственное совещание рабочих и служащих постоянно действующим органом. Тем самым ставилась задача вовлечь работающих в управление производством. В 1956 и 1959 годах были приняты постановления об улучшении общественного питания.

Государственному крепостничеству также был нанесен серьезный удар. 25 апреля 1956 года был принят указ «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений, за прогул без уважительных причин». Трудящиеся получили право уйти с работы, предупредив об этом администрацию за две недели. Положение это, однако, не касалось десятков миллионов колхозников, не имевших паспортов. Принципиально изменилась атмосфера в сообществах на всех уровнях. Раньше любой промах мог рассматриваться как вражеский выпад. Для новой версии характерна тенденция сглаживать острые углы, не усложнять обстановку; отсюда попытки помочь провинившемуся исправиться и включиться в общий ритм. Характерно нежелание акцентировать внимание на фактах реальных нарушений, подчас приобретающее комические или уродливые формы (например, коллективы обязывались брать на поруки подчас серьезных преступников). Такая позиция определялась традиционной верой в силы, присущие сообществу, локальному миру, связанному общими целями и системой личных отношений. *Новая версия псевдосинкретизма отходила от машинного идеала, увеличивая ценность личности, двигалась навстречу ее утилитарным потребностям.* Некоторые преграды перед инициативой исчезли, усилилась возможность прямо или косвенно получать выгоду от улучшения производительности на всех уровнях. Началась реализация эффекта, который можно было получить, опираясь на обыденное сознание, за счет ликвидации вопиющих, бросающихся в глаза фактов бесхозяйственности.

Важным фактором был рост активности в производстве, усиление ее стимулирования. Определенные успехи были и в сельском хозяйстве. Например, за первые пять лет пребывания

Хрущева у власти заготовки мяса выросли на 162%, молока — на 205%, зерна — на 189% и т. д.

СЛАБОСТЬ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

На фоне некоторых сдвигов очевидны также и явные слабости пятой версии псевдосинкретизма. Слабость всех промежуточных идеалов была результатом слабости срединной культуры, ее недостаточной способности сдерживать натиск манихейства, стремления миллионов отвечать на стрессовую ситуацию движением от одной крайности к другой. Теперь, однако, существовал фактор, способствовавший ее укреплению. Развитие сословий тормозило в определенных пределах опасность разгула манихейства. Рост утилитаризма в массовом сознании действовал в том же направлении. Сложилась противоречивая ситуация. Правящая элита, стремясь к коллективному управлению, опиралась на мощную антиавторитарную инверсионную волну, которая объективно подрывала централизованную организацию вообще. Отношения между этой инверсионной волной и правящей элитой носили двойственный характер. С одной стороны, эта волна несла социальную энергию, питающую государство. Эта сила дала возможность бюрократии бороться против крайнего авторитаризма, открывалась возможность для компромиссов на основе получения социальной энергии из прогрессивных инноваций. Но, с другой стороны, эта волна могла разрушить всю организацию медиатора, лишит власть возможности нормально функционировать, перенося центры власти в локальные миры. Правящая элита боролась, с одной стороны, с крайним авторитаризмом, с попыткой его реставрации, с авторитарным вариантом синкретической государственности, с другой стороны, она противостояла «жидкому элементу», склонному оставить без поддержки организационные центры власти, в лучшем случае поддерживать соборный вариант синкретической государственности.

Новая власть мучительно пыталась наладить коммуникации с народом посредством утилитаризма и расширения прав низов. Но исконная враждебность к начальству создавала для этого противоречивые условия. Положение правящей элиты было крайне сложным. С одной стороны, она была заинтересована в децентрализации для стимулирования творческой энергии, для освобождения организаций от давящего централизма. С другой стороны, именно в этой политике таилась угроза медиатору. Поскольку децентрализация неизбежно угрожала ослаблением центральной власти, то наверху одновременно со стремлением к децентрализации возникло стремление к цент-

реализации. Этот абсурд получил выражение в усилении влияния низов и одновременно власти первого лица, что подрывало организационную основу общего согласия.

Сложившийся порядок подвергался нажиму с обеих сторон: с одной стороны, имели место попытки сместить ответственность вверх, т. е. в той или иной степени вернуться к авторитаризму, а с другой стороны, стремление сместить ответственность вниз, к локальным мирам, ослабить государственность. Кроме того, прекращение террора выдвинуло на сцену еще одну важную силу — либеральное движение, стремление к развитию демократии, к восстановлению товарно-денежных отношений. В этой сложной ситуации Н. Хрущев не занял ясной позиции. На попытку сил авторитаризма сместить его в 1957 году он ответил усилением своей личной власти, совместив в 1958 году посты руководителя и партии, и правительства и усилив авторитарные методы управления в частности, в сфере экономики.

ОТ ВЕДОМСТВЕННОСТИ К МЕСТНИЧЕСТВУ

В стране явно нарастало расползание сил, составляющих единство идеала всеобщего согласия, что было в конечном итоге характерно пока для всех без исключения этапов господства идеала всеобщего согласия в России. Как и в прошлом, силы, которые могли сознательно защищать единство, оказались слабы и неспособны закрепить достигнутый успех. Усилив свою власть, т. е. централизацию, Н. Хрущев амбивалентным образом использовал ее для дальнейшей децентрализации, т. е. в соответствии с инверсионной волной, идущей к увеличению значимости и ценностей локализма. Эти попытки примирить необходимость идти навстречу локализму и одновременно сохранять централизацию приобретали подчас комичный характер. Например, «приближение руководства к исполнителю» воплотилось в переводе министерства сельского хозяйства и других организаций на периферию. Попытка, как говорилось в анекдоте, посвященном Хрущеву, «соединить пол и потолок», объяснялась стремлением уменьшить слой между верхом и низом, унифицировать управляющие сословия, максимально приобщиться к двухэлементной модели общества — этой вечной утопической мечте.

Хрущев, следуя инверсии, использовал власть для давления на бюрократию. В подконтрольной печати, кино и других формах массовых коммуникаций были нередки выпады против руководящих работников. Огонь критики направлялся против образа обобщенного бюрократа. В одной из речей Хрущева

прозвучала явная угроза. Он предупреждал, что народ все видит и знает и что каждый работник должен бояться людей, которые могут написать на него жалобу. Он поощрял жалобы на начальство как средство борьбы со злоупотреблениями. Были поползновения ослабить бюрократию, урезая ее негласные доходы, а также передавая некоторые ее функции в ведение общественности. Наконец, было принято решение о периодической замене руководства партийных и профсоюзных органов, вплоть до высшего.

Очевидное ухудшение хозяйственного состояния обусловило принятие руководством страны в феврале — мае 1957 года решений «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Они были направлены против ведомственной централизованной системы управления экономикой и ставили задачу «приближения руководства к экономическим районам, расширения прав союзных и автономных республик, повышения роли местных партийных и советских организаций, а также профсоюзов». Хрущев и его сторонники пытались заменить ведомственный принцип управления, связанный с отвергнутым крайним авторитаризмом, на территориальный, который отвечал требованиям локальных ценностей. Была сделана попытка организовать управление промышленностью и строительством по территориальному принципу. Местная бюрократия получила власть над хозяйством. Тем самым был сделан важный шаг в воплощении ценностей локальных миров. Реформа 1957 года по своему направлению совпадает с административной реформой Екатерины II на соответствующем этапе первого глобального периода. Для нее была характерна не только децентрализация, стремление перенести из центра на периферию функции управления и контроля. Функции департаментов петровских центральных коллегий были тогда расчленены по губерниям. Общий дух идеала всеобщего согласия породил принципиальное сходство реформ в разных исторических эпохах.

Локализм, разрушая авторитаризм, фактически подрывал централизацию, которая обеспечивала единство хозяйственной системы. Замыкание связей на совнархозах, минуя министерства, создало бесчисленные новые проблемы. *Засилье ведомственности сменилось засильем местничества.* Раздробленная территориально промышленность утратила прежние малоэффективные бюрократические инструменты обеспечения прогресса производства, сломана была сложившаяся система воздействия бюрократического аппарата на предприятия в целях внедрения новой техники. Немедленно началось стремление совнархозов к автаркии. Хрущев пытался с этим бороться. Как

это всегда было свойственно псевдосинкретизму, он боролся с последствиями уже принятых решений. Он метался между двумя крайними, совершенно исключаящими друг друга принципами, т. е. следовал логике хромающих решений. Усилился административный нажим на местах. За нарушение плановых поставок была установлена уголовная ответственность.

Хрущев был весь во власти стремления соединить организацию с инициативой низов. Это привело к беспрецедентной реформе. В ноябре 1962 года было принято постановление о переходе к производственному принципу построения руководящих органов партии снизу доверху. Партия разделялась на две, одна из которых управляла промышленностью, другая — сельским хозяйством, что подрывало медиационную функцию партии. Хрущев в своем стремлении следовать антиавторитарной версии, в попытке удовлетворить утилитарные потребности общества пренебрег центральной идеей псевдосинкретизма, т. е. необходимостью подчинить всю жизнь общества решению медиационной задачи. Хрущев, как и его окружение, имел весьма слабое представление о действительной сути общества, которым они управляли. Их мнения формировались инверсионной волной, что толкало к ломке всей медиационной системы и к подчинению ее задачам материального производства, к решению хозяйственных утилитарных задач.

При Сталине решение медиационной проблемы было поставлено под угрозу в результате одностороннего укрепления медиатора, парализовавшего воспроизводственные процессы и оторвавшего власть от повседневных забот людей. При Хрущеве угроза решению медиационной проблемы шла с противоположной стороны, в результате усиления разрушительного для синкретической государственности локализма.

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ НЕ РОЖДАЕТ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

Постепенно сложившийся порядок сталкивался со все более неразрешимыми проблемами. Система отвечала на его мероприятия подчас разрушительным образом. Предоставление возможности планирования снизу привело не к активизации масс, которые этим мало интересовались, что еще раз опровергало основное заблуждение интеллигенции, а к активизации местного начальства, которое вопреки логике и смыслу подчас принимало фантастические обязательства, пыталось перешеголять друг друга. В этом был определенный риск. Но, видимо, не слишком большой. Опыт говорил, что кампании проходящи.

Кроме того, планы утверждались сверху, и можно было рассчитывать, что абсурдные цифры не пройдут.

Я наблюдал этот поразительный рост «творчества» низов, когда ничего не стоило запланировать по 600 яиц на курицу там, где по отчету не было и 100. Я работал в это время председателем плановой комиссии одного из сельскохозяйственных районов Тульской области. Непосредственные впечатления и наблюдения сильно подорвали мои народнические иллюзии, представления, что беды идут от «плохого начальства». Колхозников не интересовало, откуда идет планирование — «сверху» или «снизу». Они просто жили своей особой жизнью, которая постоянно «отпадала» как от бюрократического манипулирования, так и от стремлений навязать им какие-то новые обязанности по осуществлению собственных прав, которых эти люди не добивались. Отказ от типового устава сельскохозяйственной артели означал, что теперь колхозы могли сами формулировать и принимать уставы, не следуя официально установленному канону, лишь не нарушая существующего законодательства. Меня поражали вновь принятые уставы, которые в районе все приходили ко мне. Во всех без исключения переделанных уставах власть в колхозах четко и ясно смещалась вверх, т. е. от собрания колхозников к правлению и председателю колхоза. Никакого давления в этом направлении со стороны районного и другого начальства я не наблюдал. Следовательно, попытка открыть дорогу демократии фактически вполне спонтанно приводила к выявлению авторитарных тенденций в масштабе колхоза, к активизации вечевого идеала на низовом уровне. Эти процессы имели еще одно важное последствие. Принятие новых уставов было использовано для начала кампании против лиц, проживавших на территории колхозов, но работавших в райцентре, на железной дороге, в промысловых артелях и т. д. Этим «бездельникам» уменьшали приусадебные участки, вовсе лишали их, не давали лошадей для подвоза топлива и т. д., всячески вынуждая вернуться на работу в колхоз. Это была, по сути, форма очередного витка борьбы за уравнильность. Один из председателей колхоза на мое недоумение по поводу этой «второй коллективизации», как некоторые пытались назвать эти акции, объяснил свои действия хрестоматийно примитивно: «Я вкалываю на земле, а почему он (железнодорожник) должен получать зарплату и пенсию?» Председатели в это время получали и зарплату, и пенсию, но это мало что меняло. Это мнение председателя, по моим личным впечатлениям, вполне отражало общее настроение колхозников. Эти парадоксальные тенденции остались вне внимания советской науки. Они свидетельствовали о том, что

колхозники боролись не за демократию, а за уравнительность. Следует отметить, что притесняемые таким образом граждане не могли искать защиты у местных властей. Правовой статус приусадебных участков лиц, проживающих в колхозах, был таков, что закон не мог защитить этих людей от попыток колхоза обрезать эти земли «по самое крыльцо». Если бы наука могла обратить внимание на эти процессы, то стало бы достаточно ясно, что *колхозы функционировали не как искусственный результат государственного насилия. Колхозы функционировали как особый тип сообщества, вполне вписывающийся в историческую традицию крестьянской общины, включенной в медиатор общества.*

Раскрылась прискорбная картина, находящаяся в полном противоречии со старой верой в освобожденную народную Правду. Попытка высшего руководства освободить эту Правду, обратиться к ней вызвала к жизни активизацию начальства среднего и низшего звена, развитие авторитарных тенденций в низах, ущемление прав какой-то части населения другой частью. Росли конфликты внутри локальных миров, связанных с борьбой за ресурсы.

Следует отметить, что этот процесс децентрализации в условиях господства синкретической государственности не является уникальным историческим явлением. «Как показывает анализ исторического процесса (это особенно очевидно на примере Древнего Египта, чжоуского Китая, но прослеживается также и в Индии, Западной Азии), от политической децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость... Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на метаструктуру в целом не приносит в нее ничего принципиально нового... Сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы... политическая децентрализация не рождает новых социальных тенденций...». Это обобщение мирового исторического опыта крайне важно для понимания локализма, к которому не без колебаний двигалось общество, разрушая господствовавшие до того нравственные идеалы.

В России этот процесс носил глубоко специфический характер, связанный с существованием раскола и одновременным стремлением общества к модернизации. На попытку обеспечить ускорение, заставить аппарат всеми методами организовать обгон Америки по производству продуктов сельского хо-

⁹ Васильев Л. С. Курс лекций по древнему Востоку (Средний и Дальний Восток). М., 1984. С. 96.

зьяства общество ответило «рязанской катастрофой» (выражение братьев Ж. и Р. Медведевых). Секретарь рязанского обкома, которого Хрущев сделал кумиром и «маяком» для всей страны, тип советского Ноздрева, дал обещание увеличить производство мяса в пять раз. Чудо, обещанное в 1917 году, как казалось, становилось наконец реальностью; миф материализовался. Для выполнения этого обязательства отправили на мясо почти весь скот области. Под предлогом эпидемии скот просто-напросто отбирался у колхозников. Колхозы вынуждены были для выполнения обязательств закупать мясо. Молоко разбавлялось водой. Вся эта история выплыла наружу. Не только в Рязанской, но и в других областях «хватали и гнали на бойню все, что могло передвигаться на четырех ногах: стельных коров и супоросных свиней, телят, поросят, которым бы еще расти и расти... Ожили времена феодального разбоя: одна область промышляла на территории другой»¹⁰.

Приписки в возрастающих масштабах стали для консервативного традиционного сознания средством разрешения противоречия между необходимостью каждого сообщества адаптироваться к сложившейся социальной среде, включая деятельность начальства, и невозможностью, неспособностью следовать курсом ускорения, т. е. совершать все те действия, которые предписывались начальством. Подобные действия исторически в стране рассматривались как воплощение «дурости», на которое крестьяне отвечали высказываниями типа «барин дурит». Волонтаристский нажим сверху встречался внизу либо разрушительной интерпретацией указаний, либо имитацией выполнения требований, которую традиционное сознание, тяготеющее к ритуализации диалога с начальством, могло и не отличать от реального выполнения этих требований. В конце концов, никогда не было известно, что требует начальство — реальный продукт или комфортный отчет о нем. Партийное руководство на местах буквально лезло из кожи, чтобы выполнить и перевыполнить план по сдаче тех или иных продуктов сельского хозяйства. Это стремление давало определенный эффект, например, повышение надоев. Но в конечном итоге оно носило разрушительный характер, так как подчиняло всю сложную систему хозяйства одной узкой частной задаче, например, достижению первого места по сдаче сегодня мяса, а завтра молока. Система кампаний, истерических попыток совершить переворот за счет сменяющих друг друга попыток организовать чудо, т. е. разведения кроликов, производства торфоперегнойных горшочков, механической дойки,

¹⁰ Стреляный А. Год личной жизни. С. 125.

кукурузы, ликвидации паров, освоения новых земель и всех иных витков хромающих решений, будучи формой проявления раскола, разрушала стабильность организационных связей, усиливала сопротивление власти и неуважение к ней. В этой системе приписки стали формой коммуникации между уровнями управления, формой защиты нижних уровней от разрушительного нажима верхов. Разумеется, приписки при этом разрушительно действовали на нравственное состояние общества, на реальные связи, превращаясь в мощный фактор общей дезорганизации. Кроме того, растущий утилитаризм позволял в возрастающих масштабах использовать приписки как элемент коррупции, условие хищений и разграбления общества.

Все попытки хрущевских реформ совершить чудо наталкивались на препятствия, которые были заложены в прошлом и не были известны реформаторам. Стремление поднять сельское хозяйство, обогнать США в этой области оказалось безрезультатным. Здесь Хрущев пошел по линии наименьшего сопротивления, действуя экстенсивными методами и тем самым оставляя страну в зависимости от стихийных факторов природы. Попытка решить проблему сельского хозяйства за счет значительного расширения посевных площадей означала, что ставка в конечном итоге делалась не на качественный подъем, не на повышение уровня культуры и организации. Освоение целинных и залежных земель подорвало исторически сложившееся животноводство на обширных территориях и было связано с громадными затратами.

Новая правящая элита была далека от понимания причин низкого уровня сельского хозяйства, его неспособности удовлетворить общество. Причины этого лежали в том, что страна унаследовала все то же «первобытное» сельское хозяйство, выросшее на экстенсивной основе и не склонное к инновациям, повышающим эффективность. Поэтому пути его подъема лежали прежде всего в развитии высших форм городской культуры, освоение которой на уровне личности — абсолютно необходимая предпосылка решающего подъема сельского хозяйства. Однако новый строй, хотя и шел под лозунгом ведущей роли городского рабочего класса, тем не менее привел к разрушению интеллектуальных сил общества. В стране происходила не столько урбанизация, сколько псевдоурбанизация, не столько интеллектуализация деревни, сколько «деревенизация» города.

Опыт Запада изучался, но весьма односторонне. Результаты поездки министра сельского хозяйства В. Мацкевича в

США, отчет о которой был опубликован в виде книги¹¹, произвели ошеломляющее впечатление. «Открыли Америку», как сказал М. Макаров, председатель райисполкома Заокского района Тульской области, ознакомившись с книгой. Однако в опыте Америки искали прежде всего технологические и технические аспекты. Совершенно игнорировалась организационная сторона, вся система ценностей, которая лежала в основе движущих сил развития сельского хозяйства США. Вывод, который сделал Хрущев из американского опыта, заключался в следующем: «Никакой особой особенной американской мудрости нет. Удобрений много вносят...»¹². Эта точка зрения может служить классическим примером того, как даже жизненно важные проблемы одной культуры не могут быть поняты представителями другой, которая не столкнулась еще с соответствующими пластами реальности — с организационной революцией, с влиянием рынка на рост производства и т. д. Все богатство опыта в этом высказывании Хрущева сведено к технологическому элементу, что свидетельствовало прежде всего о культурном потолке, существующем на данном историческом этапе в данном обществе, о редуccionистском сведении высшего к низшему, что отрезало путь к высшему.

Всякая попытка поднять сельское хозяйство наталкивалась на исторически сложившиеся нарушения закона соотношения отраслей, на неэквивалентный обмен между отраслями. Ориентация высшей власти на низы неизбежно вызывала попытки изменить перераспределение ресурсов в значительной степени через изменение цен. В 1953-1955 годах закупочные и заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства были повышены в три раза. Сельское хозяйство стало рентабельным. Тем самым была сделана попытка изменить поток перекачивания средств из сельского хозяйства на обратный.

Однако постепенно усилились тенденции к восстановлению старого порядка. В 1959 году цены на запасные части были повышены на 90%, начиная с 1958 года неоднократно снижались заготовительные цены. Принудительная продажа техники колхозам нанесла серьезный урон их экономике. В 1963 году очередная засуха выявила полную неспособность страны решить сельскохозяйственную проблему. Пришлось провести громадные закупки зерна за рубежом.

¹¹ *Мацкевич В. В.* Что мы видели в США и Канаде (Впечатления участников Советской сельскохозяйственной делегации 1955 г.). М., 1956.

¹² См.: *Стреляный А.* Год личной жизни. С. 166.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Попытка удержаться на основе идеала всеобщего согласия привела к ослаблению террора и идеологического пресса. Хрущев искренне верил, что только сумасшедшие могут выступать против разделяемых им идеалов. Тем не менее таких «сумасшедших» оказалось много. Важнейшим источником несогласия была постепенно возрождавшаяся после сталинских погромов интеллигенция, *выход на свет остатков духовной элиты*. Независимо от точек зрения на те или иные проблемы сама возможность легализации ее голоса несла опасность для официальной идеологии. Голоса духовной элиты всегда защищали некоторую последовательную систему нравственности, некоторую особую логику отношения к миру, к самим себе. Эта внутренняя последовательность по самой сути противостояла псевдосинкретизму, который постоянно формулировал свои решения, комбинируя, эклектически соединяя разные, разрушающие друг друга логики. Встреча этого принципа с любой последовательной точкой зрения приводила рано или поздно к неизбежному конфликту. *Отсюда столкновение правящей элиты с либеральной интеллигенцией.*

Важнейшим условием роста компетентности власти должен был служить поиск путей диалога с духовной элитой. Этому мешал раскол между элитами, который получил, в частности, форму культурного разрыва, мешающего установлению элементарного взаимопонимания. На ряде встреч руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, проведенных в 1962 и 1963 годах, Хрущев со свойственным ему хамством не оставил сомнения в том, что никакое творчество, опирающееся на собственную основу, а не на костыли официальной идеологии, не будет допущено. Власть увидела в художественном творчестве силу, опасную для псевдосинкретизма. Было принято решение добить «Новый мир». Неудобный власти редактор неудобного журнала А. Твардовский был обречен. Журналу и ему лично был нанесен ряд сокрушительных ударов.

Разгром «Нового мира» означал, что либерализм был опять загнан в подполье. Диалог не получился, так как власть говорила на языке псевдосинкретического манипуляторства, тогда как силы, вступившие на путь нравственного, духовного развития, следовали своей внутренней логике. Либерализм объективно был направлен на выдвижение в обществе на первый план сил, способных выйти за рамки борьбы между разными формами синкретического государства. С либерализмом связана борьба иного типа, т. е. между синкретической государ-

ственностью во всех ее формах, с одной стороны, и силами демократии, гражданского общества и правового государства — с другой. Либерализм, однако, был слаб, малочислен, часто не осознавал своей специфики.

И все же значение этого слабого либерализма было исключительно велико. Появился слой, который объективно, даже независимо от своей оценки ситуации, вступил в конфликт с псевдосинкретизмом, отказался от логики конъюнктурной мотивации. Это открывало путь медиации, накоплению культурного богатства, формированию новых более глубоких альтернатив.

«БАРИН ДАЛ, БАРИН ВЗЯЛ»

Однако главной опасностью для государственности пятого этапа был не слабый и разрозненный либерализм, а неуклонное усиление раскола общества. Реформы сталкивались с непреодолимым препятствием: элементы расколотого общества отвечали не неудачи реформы различным, подчас противоречивым образом, увеличивая общую дезорганизацию, подрывая всеобщее согласие.

Развитие творческой активности шло какими-то своими путями. Все в меньшей степени его можно было использовать для роста производительности на государственных предприятиях, для медиатора. Оно шло преимущественно по пути активизации локальных ценностей. Широкие слои в основном игнорировали попытки власти вовлечь их в деятельность официальных органов управления, возвысить активность до уровня общесоциальных ценностей. Люди не имели ни опыта участия в управлении, ни опыта повседневной организационной работы, ни стимулов борьбы за прогресс производства. Постоянно действующее производственное совещание получило в народе название «постоянно бездействующего». Материальное стимулирование также не привело в достаточных масштабах к росту производства. Характерен ответ, который дал в то время мне крестьянин Тульской области на вопрос, почему же теперь колхозники плохо работают, хотя, не в пример прошлому, они стали лучше зарабатывать: «Барин дал, барин взял». Иначе говоря, действия власти случайны и импульсивны, подчиняются капризам, не поддаются прогнозам, верить ей нельзя. Никакой связи между очередной попыткой власти усилить материальное стимулирование и своей работой, результатом своего труда этот человек не видел. И то, и другое существует для него само по себе. Следовательно, увеличение оплаты не соединялось в сознании с необходимостью более эффективного

труда. Об аналогичных настроениях писал, например, веком раньше А. Энгельгардт. Крестьяне по поводу прощения недоимок и уменьшения выкупных платежей говорили: «Эти недоимки сложат — новых наделают»¹³. Все бури, прошедшие над страной, не вытеснили господства в массах локальных ценностей, отношения к власти как к внешней силе, за действия которой рядовой человек никакой ответственности не несет и которая оценивается негативно. Это не означает, что в народе не активизировалась инициатива. Усиливался умеренный утилитаризм в его индивидуалистической версии, что вело к уходу жизни, творческих сил из-под влияния сложившегося порядка. Власть вступила с этими процессами в ожесточенную борьбу. Стремление стимулировать инициативу непостижимым образом превратилось в политику ограничения инициативы, в систему хромающих решений. Началось наступление на приусадебные участки, на личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих, т. е. *на рост локализма власть отвечала авторитаризмом*.

Стремление власти идти навстречу ценностям низов столкнулось с тем, что это фактически поощряло накопление социальной энергии в локальных мирах таким образом, что делало ее малодоступной для медиатора. Правящая элита вновь и вновь стремилась поставить личность в максимальную экономическую зависимость от государства, отсечь ее возможность накапливать и тратить свою энергию вне рамок медиатора. Однако тем самым истреблялись жизненно важные источники творческой энергии. Здесь вновь *повторилась старая российская тенденция подавлять мелкое индивидуальное производство* и вынуждать людей отдавать свой труд производству, слитому с монополией синкретического государства. Совершенно естественно, что эта политика вступила в конфликт не только с индивидуальной версией умеренного утилитаризма, но и с растущим слоем, склонным к развитому утилитаризму. Этот медленно оживающий слой хорошо откликался на стремление власти поставить зависимость оплаты от количества и качества труда. Однако именно эти люди оказались неудовлетворенными системой и уровнем оплаты. Они усиливали поиск путей удовлетворения своих утилитарных потребностей способом, независимым от государства. В сложившейся ситуации деятельность этого слоя принимала подчас уродливые формы хозяйственных преступлений, с которыми Хрущев боролся, не брезгуя даже смертной казнью.

¹³ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 531.

АКТИВИЗАЦИЯ РАСКОЛА

Активизация народа приобрела формы, свидетельствующие о глубоком расколе в обществе. Массовое поведение подчас дезорганизовывало общество, что доходило до столкновений с властью. По стране, по отдельным районам подчас прокатывалась паника. Поводы, вызывавшие панику, установить трудно. Ими могли быть случайные обстоятельства (например, передача московского радио, в которой диктор Ю. Левитан навязчиво, с драматическим пафосом вещал об очередном агрессивном акте мирового империализма). Припоминаю, в районе, где я работал, случались паники, вызванные туманным по существу, но весьма эмоциональным сообщением, связанным с корейской войной. Главным образом паника выражалась в массовой закупке товаров — таких, как мыло, соль, спички и вообще всё, что попадалось на глаза. Подобные явления могли иметь место в специфических условиях, когда отсутствует доверие к власти, при сильном, постоянно подогреваемом страхе перед войной.

Недоверие к власти стимулировалось проведенной Хрущевым денежной реформой, замораживанием всех внутренних государственных займов. Слухи о новых реформах вызывали панику. Люди выстраивались в очереди у сберкасс и либо забирали свои вложения, либо наоборот — вкладывали деньги, полагая, что, оставляя их на руках, они имеют больше шансов их потерять. Все это свидетельствовало о том, что *народ и власть разделяла пропасть: отсутствие взаимопонимания, взаимный страх и ожидание каких-то совершенно неожиданных действий.*

Иногда дело доходило до открытых массовых выступлений. Солженицын писал, что события в Новочеркасске (1962) завязали «важный узел новой русской истории»¹⁴. События в Новочеркасске укладываются в традицию русского бунта с отсутствием конструктивной программы социальных изменений и обращением к справедливости власти. Основным лозунгом было, видимо, требование: «Пусть о нас проявят заботу». Люди говорили, что «ни хрена нет», т. е. ничего нет в магазинах, «начальство не думает», кругом «безобразия». События были вызваны повышением цен, ухудшением продовольственного снабжения, пересмотром тарифных ставок, т. е. речь шла не о защите прав, высоких идеалов, а о физическом существовании. После нескольких дней растерянности власти учинили жестокую расправу.

¹⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2.

Действия определенных кругов населения представляются власти иррациональными, как некогда иррациональным было поведение крестьян в глазах царских чиновников. Однако новая власть еще меньше представляла себе, что это за люди, какова их численность и «география», в чем смысл их требований и что следует предпринять для установления контакта с ними.

УТИЛИТАРИЗМ И ВЛАСТЬ

Хрущев приобретал свой статус первого лица принципиально иным образом, чем это было в прошлом. Русские цари черпали свой престиж из исторически сложившегося социального института царской власти. Хрущев не был классическим харизматическим вождем, хотя элементы харизмы у него, несомненно, присутствовали. Харизматический вождь черпал свой престиж из оценки личности вождя как вновь найденного тотема. Харизматическим вождем мог стать тот, кто сумел каким-то образом вписаться в представления массового сознания о вожде-тотеме. Именно таким образом получали свое влияние первые вожди нового общества, так как старые институты себя дискредитировали и не могли обеспечить авторитет первого лица. Однако Хрущев не принадлежал ни к первой, ни ко второй группе. *Он пришел к власти на волне возрастающих утилитарных требований, явившихся реакцией на аскетизм прошлого.* Однако специфика господствующей культуры не позволяла власти надеяться на возможность решать медиационную задачу, опираясь на чисто утилитарные ценности, хотя элемент утилитаризма в системе ценностей общества постоянно возрастал. *Власть не могла быть чисто утилитарной, так как в стране преобладали уравнительные ценности,* стремление получать, независимо от результатов, за то, что «вкалывал». Правление Хрущева раскрыло ранее скрытое серьезное противоречие общества. Оно по своей исторически сложившейся природе развивалось как соответствующее государственности синкретического типа. Нестабильность институтов медиатора, периодически возникающие кризисы стимулировали стремление найти харизматического вождя. Однако банкротство сталинской аскетической харизмы инверсионным образом вызвало к жизни первое лицо, склонное обеспечивать рост утилитарных благ. Это в конечном итоге выявило социокультурное противоречие между активизацией массовых утилитарных ценностей и системой синкретической государственности, системой социальных отношений, недостаточно стимулирующих прогресс производства в соответствии с ростом

потребностей. В принципе, вообще умеренный утилитаризм в силу своей ограниченности не может быть основной нравственной базой государственности, так как он склонен к локализму, не способен обеспечить сложную систему ответственности личности за функционирование государственности.

Личность Хрущева воплотила в себе это противоречие. С одной стороны, он пытался быть народным вождем, выступающим против бюрократии в защиту интересов широких масс. Но, с другой стороны, консервативный характер общества толкал его на использование государства для принудительной модернизации, что рассматривалось как средство для обеспечения роста материальных благ. Административное давление подорвало сами идеалы всеобщего согласия. Хрущев объективно претендовал на харизматическую власть, но ее утилитарное содержание не соответствовало исторически сложившимся формам власти первого лица в стране. Хрущев, стремясь быть своим для народа, тем самым объективно подрывал веру в то, что власть несет высшую Правду. Он был слишком похож на простака с улицы, с которым можно было «сообразить на троих», чтобы люди могли поверить в его способность олицетворять высшую Правду. «Слыхал, чего наш Бобик натворил?» — так реагировал московский рабочий, узнав о срыве Хрущевым совещания в верхах в 1960 году. Казалось, что Хрущев сделал все, чтобы вызвать скептическую, издевательскую реакцию, что приводило к десакрализации его власти. Нашумевший эпизод на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, когда он стучал по столу снятым башмаком, вызвал почти всеобщий восторг. Но это было восхищение клоунадой, а не дань уважения вождю.

Отрицательные последствия реформ Хрущева были очевидны и служили поводом для бесчисленных убийственных анекдотов. Судя по ним, массы видели реальный факт невежества Хрущева. В одном из анекдотов его жена, разоблачая самозванную соученицу своего мужа, утверждает: «Он и в школе никогда не учился». Ирония стала элементом отношения к высшей власти, рассматриваемой как скопище дармоедов. О Хрущеве существовало мнение, что он хорошо устроился, т. е. достиг всего, к чему мог стремиться средний умеренно-утилитарно настроенный человек. Массовое представление о Хрущеве сливалось скорее с древним представлением о «начальстве», которое «дурит», а не с вождем-тотемом. Трагедия государственности заключалась в том, что власть не могла найти твердое основание ни в институтах, ни в харизме, ни в утилитаризме.

Вместе с тем рост утилитаризма открывал новые возможности для решения медиационной задачи. Рост утилитаризма был формой роста срединной культуры, роста способности решать и действовать, не прибегая к инверсионным поворотам. При всей слабости этого процесса по сравнению со сложными задачами, стоящими перед страной, стремление к материальным благам способствовало известной тенденции ослабления непримиримости к социальному неравенству, открывало отдушину в виде возможности перехода личности в более высокое сословие. Усиливалась концентрация творческой энергии личности на стремлении повысить свой престиж, не разрушая сословный строй, не поднимаясь вверх по сословной лестнице. Этому способствовало и усиление традиционных для России представлений о полезности власти как охранителя порядка, как источника материальных благ. Рост утилитаризма открывал возможности примирения с неправдой во имя пользы и, следовательно, мог ослабить ненависть правдолюбцев к тому, что в их собственных глазах было кривдой (например, начальство).

Рост утилитаризма был формой роста низших этажей срединной культуры. Однако этот процесс был еще слишком слаб, чтобы в решающей степени вытеснить синкретическое и манихейское отношение к власти. Подобный поворот означал бы победу прогрессивной формы изменений и отступление инверсионной.

Пятый этап второго глобального периода показал, что попытка возвести умеренный утилитаризм на уровень высшей ценности, отождествить его с высшей Правдой не создает достаточно эффективной жизнеспособной основы для функционирования государственности, для обеспечения модернизации, для решения медиационной задачи. По сути дела, аналогичный результат имел место в результате краха нэпа. Разница, однако, заключалась в том, что в первом случае ставка делалась скорее на индивидуалистический утилитаризм, тогда как во втором случае — на коллективный, общинный. Хрущев был последовательным сторонником коллективизма и противником всего частного и разделенного. В обоих случаях, однако, сложившийся порядок не оказался устойчивым.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВ

В стране усилилось представление о том, что общество отошло от уравнительности, что алчное начальство сочетает в себе страсть к закрытому снабжению, безделье и неспособность

принимать самоочевидные разумные решения. Древнее, догосударственное отношение к начальству вновь вышло на передний план. Первое лицо, однако, по мнению значительной части народа, не противостояло в достаточной степени отходу от уравнительности, не смогло предотвратить рост сословий.

Правящая элита оставалась во власти инверсионных иррациональных процессов. Она не владела социальным процессом, но лишь приспособлялась к непонятым для нее стихийным силам. Фактически обновленное, критически настроенное против прошлого начальство оказалось не в состоянии протянуть руку разуму, совести и вере. Реформаторские устремления власти приводили к дезорганизации, несмотря на искренние намерения наилучшим образом разрешить проблемы.

Период господства пятой версии ознаменовался возвратом на сцену людей, чье сознание было ориентировано на высшие формы утилитаризма, тех, кто свое благосостояние рассматривал как результат собственного труда и собственной предприимчивости. Однако эти люди могли проявить себя, реализовать свои ценности лишь вне рамок закона. Личность не испытывала достаточной потребности в создании институтов, которые соединяли бы народ и власть и опирались бы на представительство самого населения. Для этого не было соответствующих культурных предпосылок. Наоборот, господствовало представление, что от подобных действий толку не будет. Действия личности определялись стремлением оградить свой мир от внешних опасностей, среди которых важное место занимали дезорганизующие действия власти.

Еще одна попытка положить в основу государственности срединную культуру, выйти на качественно новые альтернативы, выходящие за рамки исторически сложившихся циклов, потерпела неудачу. Общество вновь осталось в рамках исторически сложившейся альтернативы. Идеал всеобщего согласия распозался на части, общество не могло одновременно опираться на сословность власти и поддерживать уравнительный идеал двухэлементного общества. Это ссорило высшее руководство как с бюрократией, опасавшейся активизации сторонников этой модели, так и с широкими массами, которые возмущались существованием сословных привилегий. И эта пятая версия псевдосинкретизма, как и все предшествующие, не дала прочной базы для соединения общества с инициативой мест, статики с динамикой, локальных ценностей с большим обществом, ценностей власти с ценностями высшей культуры, массового сознания с государственностью, машинного и индивидуалистического утилитаризма, двух типов конструктивной напряженности.

Отсутствие духовной основы для диалога противоречивых сил, отсутствие организационных реформ, которые реально могли бы вырабатывать их единство, элементы хаоса и безответственности вызвали разочарование в господствующем идеале, в изменениях, которые приняли форму уродливых и непродуманных реорганизаций. Опасность роста дезорганизации на разных этапах стимулировала новую инверсию, направленную на восстановление порядка, что отождествлялось с возвратом к авторитаризму, с восстановлением власти, гарантирующей защиту от антиуравнительных сил.

Трагедия Хрущева заключалась в том, что, соединив в себе почвенные идеалы с государственной властью, он так и не осознал противоположности этих двух начал и действовал по логике двух взаимоисключающих принципов, переходя от одного к другому, т. е. не поднялся выше уровня хромающих решений. В результате ни одно из его мероприятий не могло быть доведено до конца. Опыт этого этапа показал, что патологичность общества осознавалась и объяснялась уже не ошибками и злодеяниями, а тем, что общество соглашалось на них, а возможно, и стимулировало. Это, однако, не помешало преемникам Хрущева оценить этап его деятельности как связанный с господством волюнтаризма, т. е. рассматривать его, как и сталинский этап, в качестве искажения исходных для нового общества идеалов.

Сам Хрущев в силу узости своего кругозора опирался на расхожие банальности, которые оказались возведенными в ранг «науки». Хрущев оказался не в состоянии сохранить свою власть в условиях наступления новой инверсионной волны. Он был устранен, как прозрачно намекнули в одном из спектаклей, «в связи с внезапно наступившей старостью».

Хрущев пополнил список лиц, чье руководство страной закончилось личным банкротством, чьи цели парадоксальным образом приводили к результатам, обратным ожидаемым.

Новый этап, сменивший сталинский, характеризовался тем, что общество попыталось ответить на раскол отказом от жестких авторитарных решений, поиском меры на основе всеобщего согласия, движением к ценностям низов при одновременном учете ценностей целого. Однако и эта попытка не увенчалась успехом. Возможность реального согласия лежала где-то значительно глубже старых альтернатив, которые всегда принимались за новые, а затем с ожесточением отвергались. Поиск качественно более глубоких альтернатив требовал значительных усилий и квалификации, которые были в дефиците. Вновь общество было вынуждено вернуться к поиску альтернатив.